

ВВЕДЕНИЕ

Ритмы жизни и ритмы песни

Жизнь женщины ритмична. Состояние ее души гармонирует с ритмами природы, периодами взросления и фертильности, развитием индивидуальных и семейных жизненных сценариев. Жизнь и слово неразрывно связаны в фольклоре. Поэтому так важно рассматривать жизнь женщины в контексте народной обрядовой поэзии, которая сопровождает каждую девочку с самого рождения.

Обрядовый фольклор регулирует баланс тревоги и покоя, работы и праздников, внутреннего и внешнего. Это словесное и музыкальное сопровождение жизни в традиционном обществе, где детство, юность, зрелость и старость разных членов группы проходят по похожим сценариям, синхронизируются и настраиваются друг на друга.

В городской культуре каждая судьба автономна и индивидуальна, каждая имеет свой ритм. Можно сказать, современный человек как радиоприемник, который принимает несколько станций и легко переключается между ними, тогда как традиционный человек настроен на одну волну. Когда сигнал четкий — все в порядке и жизнь идет своим чередом; когда сигнал зашумлен, в жизни наступает хаос. Но и современный человек, подбирая себе мелодию

по вкусу, может что-то найти для себя в древнем, традиционном круге жизни.

Впрочем, у метафоры радио есть существенный недостаток: радио транслирует ритмы и смыслы извне. Фольклор работает иначе. Он проходит не через механические усилители, а через самого человека, который примеряет многовековой опыт к конкретным обстоятельствам своей жизни. Большинство обрядовых текстов, пусть и существуют в рамках традиций, содержат механизм импровизации¹, то есть воссоздаются каждый раз немного по-разному. Женщину, скорбящую ритуальным плачем и поющую частушку, нельзя назвать ни автором, ни исполнителем: она не придумала текст, но и не воспроизводит его в точности. Скорее речь идет об использовании традиционных образов и символов для проживания собственного опыта.

Традиция реализуется в каждом конкретном исполнении в зависимости от задач и обстоятельств. Но такая свобода порождения текста основана на хорошем знании других похожих текстов: если в памяти нет словесных формул, то ничего в голову не придет. В импровизации текст собирается, как бусы из бусин: конкретный образ или фраза выбираются так, чтобы ладно встало, из тех, что когда-то были услышаны и запечатлены в памяти.

Фольклор функционален. Его сложные по форме, красивые тексты похожи на лирическую поэзию с ее вниманием к слову, поэтому они часто попадают в учебники и хрестоматии по литературе. Фольклорная традиция действительно влияет на литературную. Но по сути эти тексты отличаются: у фольклора всегда имеются прагматика, цель и назначение. В этом он больше похож на язык, в котором есть свои богатство и красота, но первична функция общения. И так же как язык, фольклор не имеет автора: каждый человек вносит в него свой крошечный вклад.

Слово и действие в обрядах

Каждая глава книги посвящена одному периоду жизни женщины и одному-двум главным жанрам фольклора, с этим периодом связанным. В центре внимания в каждой главе — тексты обрядовые. Лирические (необрядовые) песни, которые также сопровождают женщину на протяжении ее жизни, остаются за пределами внимания этой книги, как и ритуализированные действия и тексты повседневной жизни (слухи, ссоры и др.).

Разберемся с двумя понятиями: обряд и фольклор. Обряды — это ритуальные повторяющиеся действия, которые служат знаком изменения статуса человека. Слово «ритуал» имеет два противоположных значения. В повседневности «ритуальным» могут назвать то, что делается по привычке, автоматически, бездумно. В антропологии, наоборот, под ритуалом подразумевают действия, реальность которых для людей даже больше, чем их повседневная жизнь. В традиционном ритуале очень высоки эмоциональная вовлеченность и чувство важности момента, а все действия и предметы исполнены смысла. Общее у этих двух значений ритуала — акцент на неукоснительном соблюдении формальных требований².

Ритуальное поведение встречается не только у людей. Этолог Конрад Лоренц³, изучая поведение животных, заметил множество ритуалов, основанных на инстинктах, — в основном они связаны с ухаживанием или проявлением внутривидовой агрессии. Если у вас есть собака, вы могли наблюдать, как происходят приветствие, принюхивание, угроза, отступление. Положение ушей, хвоста и другие знаки позволяют другой собаке считать послание вовремя и избежать столкновения. Так что, по-видимому, склонность к ритуальному поведению врожденна.

Суть и детали человеческих ритуалов всегда обусловлены культурой того общества, в котором человек воспитывался. Ритуалы не могут изменить физический мир, но определенно влияют на две важные и реальные сферы: социальные отношения (и в целом отношение других к событию или человеку) и внутренние установки, диктующие собственные поступки, оценки и ощущения. А это во многом определяет жизнь, которую человек проживает.

Фольклор — это словесная составляющая ритуала, при этом само слово может становиться действием. В XX веке лингвист Джон Остин⁴ разработал теорию речевых актов. Согласно его наблюдениям, некоторые конструкции в языке описывают действия, например «идет дождь», а некоторые сами являются действием, например «я прошу прощения» или «нарекаю этот корабль этим именем». Для таких совершающих действие слов Остин ввел понятие «перформатив». Перформативное высказывание не может быть истинным или ложным, а только успешным или нет, причем на его успешность влияют как формулировки, так и внеязыковые факторы (когда, как и кто именно просит прощения или производит имянаречение). Фраза об объявлении мужем и женой будет менять реальность для тех, к кому она обращена, если произнесена в ЗАГСе или церкви соответствующими авторитетными лицами, но не будет так работать на улице (сказанная приятелем в шутку) или на сцене (например, как часть театрального действия).

Почти все тексты обрядового фольклора перформативны. Их правильное исполнение правильным человеком в правильном месте формирует реальность, меняет (или сохраняет, когда это нужно) социальные статусы, а следовательно, порядок жизни, программирует жизненные сценарии.

Мифология как мировоззрение

В книге часто будет встречаться понятие «миф»: мифологическое время и пространство, мифологическая картина мира. Миф реален для тех, кто находится внутри определяемой им культуры. Он даже более реален, чем видимый мир, потому что связан с ценностями и высшими смыслами человеческой жизни.

Исследовательница исторической памяти Алейда Асман⁵, рассуждая о мифологизации прошлого в XX веке, замечает, что, если речь идет о мифе, нет смысла использовать логические рассуждения и ссылки на факты, чтобы разубедить человека. Отказ от мифа означает разрушение его мира и собственной идентичности, поэтому на любой довод человек будет отчаянно стремиться подобрать актуальный для него контрдовод.

Мы будем говорить об архаичных мифологических представлениях, которые складывались тысячелетиями, но важно понимать, что для тех женщин, о которых пойдет речь, они не были красивой сказкой, скрашивающей досуг, а служили основой всей их жизни, ее повседневного распорядка и преодоления кризисных, переломных точек бытия.

Прежде всего миф означает восприятие пространства и времени как качественно неоднородных: хороших или плохих, чужих или своих, сакральных или профанных. Отсюда наличие «хозяев», духов места: домового — в доме, лешего — в лесу, овищика — в овине (постройке, где сушили снопы). При этом у каждого дома или леса хозяин будет свой. Дух места четко реагирует на поведение человека, наказывает за непопущенное, неуважительное поведение и отдаривается в ответ на принесенные ему дары. Весь мир выступает как участник диалога, находящийся в непрерывном взаимодействии с человеком.

В мифе действует циклическое время, космос (порядок) в нем сменяется хаосом, жизнь — смертью, но за этим непременно следует новый виток: космос восстанавливается, за смертью следует новая жизнь, как весна за зимними холодами. То, что в рациональном сознании разведено, в мифе может быть едино (синкретично). Невеста одновременно и девушка, и птица, преодолевающая путь, недоступный привязанному к земле человеку.

Миф постоянно обновляется, а его связи с конкретными людьми актуализируются. Происходит это в ритуалах — календарных праздниках, отмечаемых в течение года, свадебном обряде, ежедневных приговорах, защищающих от злых сил. Именно по ритуалам и фольклорным текстам восстанавливается мифологическая картина мира той или иной группы людей. В книгах ритуалы чаще всего описываются на примере традиционных обществ, то есть таких, где образ жизни не меняется на протяжении длительного времени. Однако ритуалы есть и в современном городе, в повседневности его жителей и в самом городском пространстве.

Исследователи народной культуры

Фольклор записывался в экспедициях («в поле»). Первые собиратели писали под диктовку или по памяти. В середине XX века ученые и студенты ходили по деревням с тяжелым магнитофоном, неся с собой ограниченный набор кассет. Минуты записи экономили, часто нажимали «стоп», что-то фиксировали в тетради.

Со временем средства записи стали доступнее, появились цифровые диктофоны с почти неограниченными ресурсами памяти. Многие фольклорные явления уже сложно встретить: они ушли из живого бытования и забылись.

Но другие вполне живы, как и рассказы, комментарии, которые невероятно ценны и помогают немало понять.

Деревенские собеседники по типу культуры становятся все ближе к своим интервьюерам. Одновременно развивается этика научных исследований, например обязательно нужно получить согласие на запись и публикацию материала. Это находит отражение в языке: если раньше было принято называть собеседников «информантами» (а самих исследователей — «собираателями»), то теперь есть формулировка «партнер по интервью», повышающая агентность тех, кто делится своим фольклорным опытом и интерпретациями.

Существует разница между женским и мужским подходом к интервью, а также стратегиями женщины-и мужчины-рассказчика. Если мужская история чаще фокусируется на фактах, целях и результатах тех или иных действий, то женщин обычно интересуют обстоятельства, оценки и процессы⁶. Женщина-ученый больше вовлекается в рассказанную историю, между жительницей деревни и приехавшей из города фольклористкой часто возникает эмпатия и происходит обмен опытом. В результате женский и мужской нарративы об одном и том же выстраиваются по-разному.

В экспедициях, во время наблюдений и интервью, фиксируются этнографические факты: задокументированные примеры каких-то практик, услышанные от конкретных людей интерпретации, фольклорные тексты, рассказы о верованиях и представлениях. Описывая обряды или народную картину мира, ученые ориентируются на них, в ходе долгой работы по их сопоставлению и проверке выдвигают гипотезы и разрабатывают теории, объясняющие увиденное «в поле».

В этой книге использованы опубликованные фольклорные тексты, материалы из архива вологодской Школы

Русские женщины в национальных костюмах. Литография по рисунку неизвестного автора, XIX — первая половина XX в.

традиционной народной культуры (1990–2000-е годы) и записи, сделанные автором в собственных экспедициях (2010–2020-е).

Особая правда фольклора

Напоследок остановлюсь на еще одной важной особенности фольклора. Он обладает ресурсами хранения и передачи информации⁷: мнемонические формулы позволяют запоминать и транслировать сообщения через поколения. По фольклору восстанавливают жизнь в дописьменные времена (да и первые памятники письменности, как правило, пересказывают фольклорные предания или эпос).

При этом передается только актуальная информация: в программной статье 1929 года «Фольклор как особая форма творчества» Роман Осипович Якобсон и Петр Григорьевич Богатырев⁸ ввели понятие «цензура коллектива».

Это похоже на принцип испорченного телефона, только каждый участник — поколение: то, что непонятно или не нужно, не пересказывается и уходит из традиции, а то, что ценно, передается в точности.

Автор многочисленных исследований в области теоретической фольклористики Сергей Юрьевич Неклюдов отмечает, что сюжеты фольклора часто популярны в силу повторяемости и пересечений с сюжетами жизненными, мотивы, из которых собираются сюжеты, содержат в себе информацию о возникновении и развитии определенных ситуаций. В сказке может появляться тот же мотив, что и в протоколах судебных разбирательств, где люди очевидно верят тому, что говорят, и это фантастическое переосмысление каких-то реальных особенностей жизни в определенном времени и месте. Фольклор связан с той внетекстовой реальностью, которая его окружает⁹.

Таким образом, правда фольклора — особая правда. Не стоит ожидать от фольклорного текста исторических фактов, но по нему можно восстановить ценностный образ мира и конкретные психотехники, которые веками помогали жительницам деревни проживать свою жизнь, справляться с горечью утраты, устанавливать связь с родными, черпать силы из природы, формировать свой образ счастья и достигать его.

Многие тексты, которые приводятся в этой книге, имеют сакральную природу, то есть для людей, которые их использовали, они были священны и невозможны вне ритуала.

Здесь необходимо оговориться о дистанции, которая возникает при научном описании. В естественной среде ритуальные тексты допустимы только в контексте обряда, они существуют вместе с ситуацией, голосом и репутацией произносящей их женщины. Записанные в экспедиции, расшифрованные и опубликованные, они проходят несколько стадий отделения от той естественной среды, в которой обычно исполнялись. У этого два следствия.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

